

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1911 — 1912.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДЕСЯТИ ТАБЛИЦЪ И СЪ ТРИНАДЦАТЬЮ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лп., № 12.

1913.

ского залива¹⁾; столь же мало говорится о таковомъ при описаніи набѣга Шейбани съ береговъ Узбоа черезъ «Фаравскія горы» на астрабадскую область²⁾.

Мы не касаемся другихъ промаховъ автора³⁾, менѣе тѣсно связанныхъ съ главной темой его изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что уже приведенный примѣръ, какъ намъ кажется, достаточно ясно показываетъ, насколько бесполезны въ научномъ отношеніи историко-географическія изслѣдованія, основанныя на одномъ только картографическомъ матеріалѣ. В. Б.

377. Г. Н. Потанинъ. Сага о Соломонѣ. Восточные матеріалы по вопросу о происхожденіи саги. Изданіе Сибирскаго Т-ва Печатнаго Дѣла. Томскъ 1912. 186 стр. 8° min.

Цѣль новой книги Г. Н. Потанина—доказать средне-азиатское происхожденіе всѣхъ преданій о Соломонѣ, не только послѣ-библейскихъ, но и библейскихъ (ср. особенно стр. 100 и слѣд.). Въ основу саги, древнѣйшая версія которой сохранилась у бурятовъ (стр. 141 и 170), лежитъ сѣверно-азиатскій эпосъ о звѣздѣ Цолмонѣ, т. е. о Венерѣ; «Соломонъ — только западное произношеніе имени Цолмонъ» (стр. 136).

Въ своей новой работѣ маститый авторъ остается вѣренъ тѣмъ приемамъ изслѣдованія, которые хорошо извѣстны читателямъ его книги о «Восточныхъ мотивахъ въ средневѣковомъ эпосѣ». Не обращая вниманія ни на хронологію, ни на доказанныя историческія связи, онъ сопоставляетъ между собою сходные легендарные сюжеты у различныхъ народовъ, признаетъ наиболѣе древней ту версію, которая представляется ему наиболѣе «архаичной» и на основаніи такого вывода строитъ гипотезы о переходѣ сказанія отъ одного народа къ другому, объ исчезнувшихъ промежуточныхъ звеньяхъ и т. п. Общеизвѣстный фактъ, что кочевникъ приспособляетъ къ своему міровоззрѣнію и быту сказаніе, заимствованное у болѣе культурныхъ народовъ, и такимъ образомъ придаетъ ему болѣе «архаическую» окраску, не принимается въ расчетъ; выводы получаются, большею

1) ЗВО XIV, 027.

2) Собраніе свѣдѣній о низовьяхъ Аму-Дарьи, стр. 79. Извѣстно, что названіе «Фарава» относится къ Кызыль-Арвату и не имѣетъ ничего общаго съ Фирюзой. Даже на старыхъ картахъ (ср. напр. карту при анонимной книгѣ «Наши сосѣди въ Средней Азій. Хива и Туркменія. Изданіе редакціи журнала Всемирный Путешественникъ», Спб. 1873) авторъ могъ-бы найти «горы Параву» около Кызыль-Арвата.

3) Особенно характерно объясненіе слова «Гуззы» (стр. 102): «Уйгуры въ Туфанской (sic) области въ восточномъ Туркестанѣ», причемъ сдѣлана ссылка на «Землеводѣніе» Риттера, т. V, вып. 2 (безъ указанія страницы).

частью, обратные выводамъ историковъ. Превращеніе иранскаго Ахурмазды въ монгольскаго Хормуста-тепгри мы теперь, послѣ открытія въ Восточномъ Туркестанѣ памятниковъ манихейской литературы, можемъ прослѣдить вполне отчетливо; Г. Н. Потанину, однако, представляется невѣроятнымъ, чтобы «монголы и тюрки иранское верховное божество расплыли на мелкихъ духовъ, тогда какъ естественнѣе предположить здѣсь синтетическую работу, изъ представленія о множествѣ духовъ курмбсь созданіе представленія объ одномъ наиболѣе могущественномъ курмбсь, т. е. Хормустенъ-ханѣ» (стр. 151). Извѣстно, что монгольскій Арджи-Борджи есть индійскій раджа Бходжа; въ монгольской версіи, какъ свидѣтельствуемъ и рассказъ, приводимый самимъ Г. Н. Потанинымъ (стр. 124), упоминается индійскій царь Викрамадхтия; и все-таки оказывается, что сказка объ Арджи-Борджи древнѣе Викрамачаритры (стр. 149), что она перешла изъ Средней Азіи, вѣроятно изъ южной Монголіи, на югъ въ Индію и на западъ въ Европу, вслѣдствіе чего явились индійскій раджа Бходжа и славянскій Арзи-Варзь (въ вариантѣ Аріоверзанъ), упоминаемый въ «Александриі» (стр. 79)¹⁾. Сказаніе о Едигеѣ буквально повторяетъ одинъ изъ библейскихъ рассказовъ о Соломонѣ (рѣшеніе спора двухъ женщинъ о ребенкѣ); по опредѣленію покойнаго П. М. Меліоранскаго²⁾, этотъ рассказъ «есть прямо извѣстный судъ Соломона въ киргизской одеждѣ». Для Г. Н. Потанина, однако, ясно, что сказка, распространенная «главнымъ образомъ среди кочевыхъ тюрковъ», возникла независимо отъ библіи: «Если тюркская сказка вышла изъ библейскаго рассказа, то надо бы ее найти у культурныхъ тюрковъ, потому что преобразование библейскаго рассказа въ народную сказку естественнѣе предположить дѣломъ культурныхъ тюрковъ и уже отъ нихъ сказки должны были попасть къ кочевникамъ» (стр. 95). Для историка несомнѣнно, что осѣдлое населеніе знало рассказы о Соломонѣ лучше кочевниковъ (извѣстенъ фактъ приуроченія книжныхъ сказаній о Соломонѣ къ г. Ошу), но не имѣло никакихъ причинъ переносить черты этихъ рассказовъ на кочевого богатыря. Для Г. Н. Потанина сказочный Едигей существовалъ независимо отъ историческаго и до него; уже потомъ «народъ до такой степени отождествлялъ генерала Золотой Орды со сказочнымъ Идыгеемъ, что имя Идыге (Едигей русскихъ памятниковъ) въ мусульманскую лѣтопись вошло съ чертами изъ сказки»

1) Извѣстно, что Аріобарзанъ есть историческій сатрапъ Персіи, боровшійся съ Александромъ и упоминаемый еще у Арріана. Ничего общаго съ «Арджи-Борджи» онъ, конечно, не имѣетъ.

2) Сказаніе объ Едигеѣ и Тохтамышѣ, СПб. 1905 (приложеніе къ т. XXIX Записокъ Имп. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этнографіи), стр. 14.

(ibid.). Путем лингвистических сближений (стр. 96) доказывается, что «форма Тохто до XIV столѣтія уже стояла въ сказкѣ объ Идыге-ни»; окончаніе *мынз* «могло образоваться изъ мангышь (то же, что монгольское мангысь)», т. е. какъ въ исторіи борьба велась между Едигеємъ и Тохтамышемъ, такъ и въ *существовавшей раньше* сказкѣ упоминались тѣ же лица подъ тѣми же именами.

Едва ли историку нужно подкрѣплять какими нибудь доводами свое отрицательное отношеніе къ такимъ гипотезамъ. Посвященная грузинскому богатырю Амирапу глава «Восточныхъ мотивовъ» вызвала въ свое время со стороны Н. Я. Марра замѣчаніе, что «безъ исторической перспективы, получающейся въ результатѣ изслѣдованія литературныхъ теченій въ Грузіи и ихъ отслоеній на устной живой старинѣ, всякія построенія съ грузинскими народными сказаніями неизбѣжно обречены быть карточными»¹⁾. Все это, конечно, примѣнимо, *mutatis mutandis*, къ сказаніямъ всѣхъ временъ и народовъ.

В. Б.

378. Н. А. Карауловъ. Краткій очеркъ грамматики горскаго языка «болкаръ». (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XLII, 1912 г.). Стр. 60.

I.

Къ числу малоизученныхъ турецкихъ нарѣчій принадлежатъ нарѣчія турецкихъ племенъ Кавказа: турокъ Закавказья — «азербайджанцевъ», извѣстныхъ въ просторѣчій и литературѣ подъ названіемъ «персіянъ», или «закавказскихъ татаръ», кумыковъ, карачаевцевъ, балкаровъ, ногайцевъ, кара-ногайцевъ и ставропольскихъ туркменовъ; азербайджанскіе турки и туркмены принадлежатъ по языку къ группѣ южно-турецкихъ племенъ, а остальные — къ группѣ сѣверно-турецкихъ. Изъ перечисленныхъ племенъ закавказскіе турки (азербайджанцы) и кумыки имѣютъ свою печатную литературу. Главнѣйшія работы по нарѣчію азербайджанцевъ указаны въ неоконченномъ, за смертью автора, трудѣ Фоя «Azerbaïganische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen»²⁾. Починъ въ изученіи этого нарѣчія, какъ и нарѣчія кумыковъ, принадлежитъ русскимъ востоковѣдамъ. Свѣдѣнія о кумыцкомъ нарѣчіи имѣлись до новѣйшаго времени въ Ногайско-кумыцкой хрестоматіи Османова (С.-Пб., 1883, стр. 174), стр. 106—174, въ «Кумыцкихъ текстахъ съ русско-кумыцкимъ и кумыцско-рус-

1) Журн. Мин. Нар. Просв. 1899, декабрь, отд. II, стр. 246.

2) Mittheilungen SOSB. 1903, II, 126—194; 1904, II, 197—265.